

Неужели вон тот — это я?

Автопортреты Семена Агроскина в галерее Марата Гельмана

Есть у Пушкина строка, которую можно поставить эпиграфом к циклу автопортретов московского художника Семена Агроскина: "Сердце будущим живет". Дело в том, что каждый из этих двенадцати автопортретов приурочен к одному из месяцев наступившего года. Прожить эти месяцы, кроме уже почти закончившегося января, еще предстоит. Но замысел художника опережает время или, во всяком случае, намекает на некоторую свободу от "физической" очевидности.

Двенадцать — сакральное число, встречающееся и в астрологии (12 знаков Зодиака), и в народных сказках.

Автопортреты становятся некоторым подобием "гадальной" книги, волшебного зеркала, предсказывающего судьбу.

Вообще художник давно одержим загадками времени. В своих натюрмортах он пытался запечатлеть "прошедшее" время старых, изношенных, но еще живущих на обочине нашего быта предметов — дряхлых диванов, лестниц, кастриоль. Он давал им "шанс" хотя бы на холстах. Теперь художник "гадает" о будущем. Что же пророчит волшебное зеркальце? Как мне кажется, оно пророчит судьбу истинно творческой личности, потому что написать цикл автопортретов в эпоху "актуального" искусства — значит бросить вызов своему времени. Автопортретов сейчас не пишут! Излюбленный романтиками жанр...

Недавно смотрела по телевизору передачу о современном изобразительном искусстве. Звучало выражение "автор как персонаж". Вот именно — "персонаж", скрытый от окружающих специально подобранной маской, имиджем, бесконечной театрализацией собственной жизни. Нужно ли называть имена? Маска полностью закрывает лицо, скрывает все индивидуальное и

неповторимое. Разве это кому-то еще интересно?

Это странно, но Семену Агроскину интересно собственное лицо, неуловимость и изменчивость его выражений. Это лицо беззащитно. Оно ведь не закрыто "железной маской", как советовал Блок ("ты железно маской лицо закрывай"), прекрасно понимавший опасность "открытого" лица. Впрочем, Блок сам прожил без маски. И в этом отношении Семен Агроскин подхватил давнюю и исконную русскую традицию. В России всегда ценили подлинность, а не игру.

И эти автопортреты поражают простотой и естественностью. Никакой позы, манерности, театрализации собственного облика. Никаких "декораций", прихотливого антуража, занавесов, интерьеров, вычурной одежды. Они аскетичны и одновременно изысканны. Изысканность возникает за счет тонкости проработки лица и фона, бесконечных цветовых нюансов и переходов.

Авторская полуфигура, одетая в рубахи разных цветов — одежда, которую можно встретить еще на юноше кисти Джорджоне, — выступает из написанного легкими, "дышащими" мазками фона. Упор сделан на открытое, но как бы неотчетливо прописанное лицо. В лицо это хочется взглянуть. Оно везде привлекает живостью выражений. У автора превосходное зрение, но он притворился близоруким, увидел себя слегка "не в фокусе", что дало романтическую перспективу недосказанности, неоконченности свободы изменения всем двенадцати авторским двойникам.

У аналитически строгого наследника русской романтической традиции Владислава Ходасевича в знаменитом стихотворении "Перед зеркалом" выражено удивление: "Неужели вон тот — это я?" И дальше следует трагически-горе-

стная строчка: "Разве мама любила такого?"

У С.Агроскина нет трагической интонации Ходасевича. Он останавливается на первоначальном удивленном восхищении. Все двенадцать автопортретов словно бы призваны выразить безмерность авторского удивления от встречи с самим собой. Неужели? Вон тот? Это я? Автопортреты не дают внутреннего развития авторского "я", его изменения, как это было, скажем у Рембрандта, писавшего их на протяжении всей жизни и нередко в самые пиковые моменты.

Эти автопортреты написаны "залпом", легкой артистичной кистью, словно бы сохранившей в этом "беге на длинную дистанцию" некий первоначальный творческий порыв. И запечатлевают они вариацию на одну и ту же тему, которую я попыталась обозначить строчкой Ходасевича. Тему безмерного удивления перед загадкой собственного лица.

Мы живем в "суровой" стране, в "трудное" время, в "непредсказуемом" климате, в начале обросшего апокалиптическими слухами тысячелетия. Но в этих автопортретах, обращенных в будущее, нет ничего апокалиптического, нет "демонизма" и "вампиризма", нет излишней философической "серьезности" и претенциозной многозначительности.

Легкая, живая, артистическая кисть. Изменчивое лицо в ауре непредсказуемости. Что этот тип еще выкинет?

Помнится, начинал художник с изображения персонажей "без лиц", в мешковатой чудовищной одежде. В автопортретах человек получает иной статус, обретает романтическую многомерность, красоту, загадность...

Что в этих работах современно? Неужели только вырезанные из металла серебристые буквы и циф-

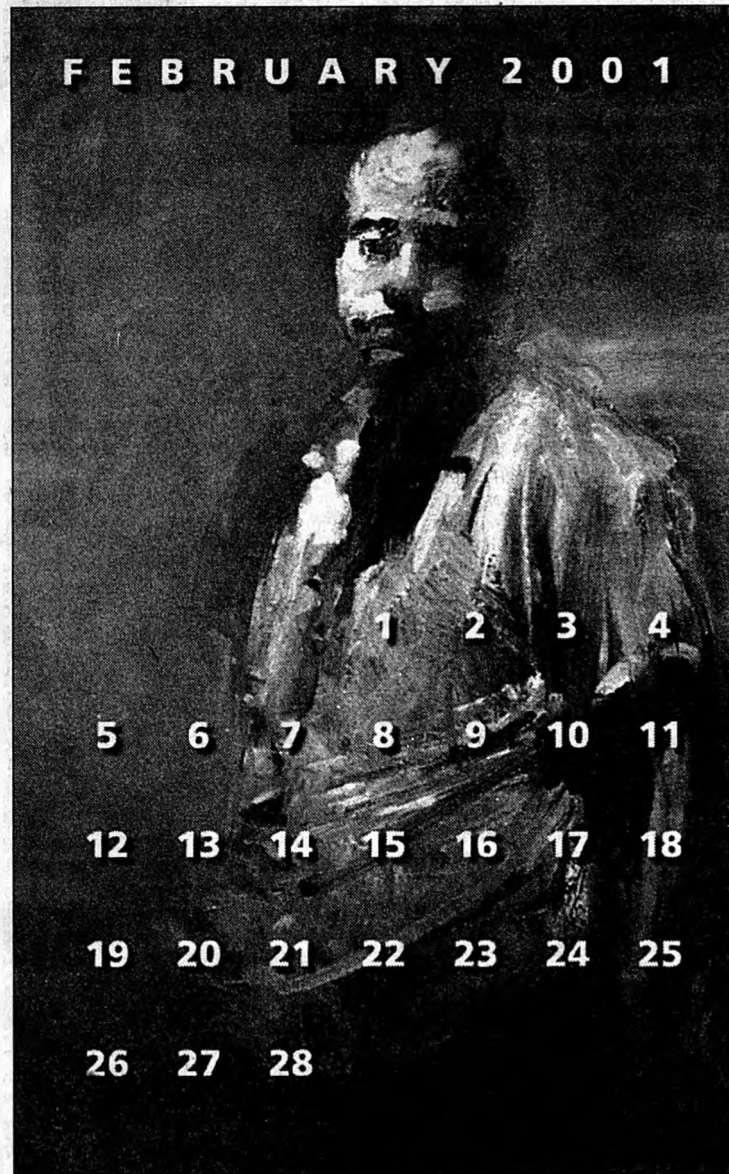
ры, наложенные на холст? Да, в этом есть нечто дизайнерски острое, дающее дразнящую игру неглубокого пространства фона и плоскостных вкраплений. Но мне все же представляется, что современность в другом.

Современность в самом этом "легком", но не легкомысленном отношении к себе. В этом нежелании разыграть роль, стать "персонажем" да и вообще человеком, громко именуемым "художником". Это автопортреты не "художника", а артистической личности, свободной, раскованной и незавершенной. При этом легкая "эскизная" манера письма, свободные мазки, игра с цветовыми оттенками и полутонами работают на эту внутреннюю неоконченность, непредсказуемость душевных движений. Непредсказуемость, но не хаос. Автопортреты своеобразно "структурируют" творческую личность, находят ее живое ядро.

Все ли они одинаково удачны? Вспоминается сказка об одиннадцати юношах, превращенных в диких лебедей, которым их сестрица (опять выскакивает число "12") спешно ткала рубахи. Одному чуть-чуть не успела. И у юноши остались "птичьи перышки". Может быть, в одном-двух автопортретах есть следы этих "перышек", некоторой "финальной" спешки перед выставкой, проходившей в январе в галерее Марата Гельмана.

А в основном, повторяюсь, все они несут отпечаток захватывающего творческого порыва. Оттого-то их не скучно смотреть. И даже возникает впечатление, что дело это не такое уж трудное. Подумаешь, написать двенадцать автопортретов и искренне удивиться самому себе: "Неужели вон тот — это я!"

Вера ЧАЙКОВСКАЯ

С.Агроскин. "Автопортрет"